

В тусклом свете ночного коридора взгляд Чжоу Мянэ казался непроницаемо-тёмным.

— Ночёвка вне общежития. Минус балл, — проговорил он ровным, невыразительным голосом.

Юй Лань лишь промолчал в ответ: «...»

Правил в их школе хватало на целую энциклопедию, и за любую мелочь полагались штрафные баллы. Наберёшь пятнадцать — получишь испытательный срок с предупреждением об исключении, а двадцать — вылетишь из школы с концами.

Юй Лань на первом году обучения без зазрения совести разбазарил аж двенадцать баллов. На втором не прошло и двух недель, как отлетел ещё один. Оставалось всего два балла до заветного испытательного срока. Самому Юй Ланю было плевать с высокой колокольни, но в случае дисциплинарного взыскания администрация обязательно вызовет родителей. А слушать, как двое неугомонных болтунов сокрушаются и пилят ему мозги, не хотелось совершенно.

Юй Лань смерил Чжоу Мянэ быстрым взглядом, взвесил все «за» и «против» и, проявив удивительную гибкость характера, расплылся в слащавой ухмылке. Бесстыдно по-братски закинув руку на плечо дисциплинарного инспектора, он промяукал с наглым нажимом:

— Ну не будь ты таким суровым, председатель Чжоу. Я же вернулся в школу! Зачти мне хотя бы стремление и не снимай балл, а?

Он будто бы напроць забыл, как секунду назад за глаза обозвал Чжоу Мянэ ищейкой.

Чжоу Мянэ лишь скользнул взглядом по чужой ладони на своём плече. Густые тёмные ресницы дрогнули, прикрывая глаза, но голос остался непреклонен:

— Исключено.

Юй Лань, естественно, и не думал сдаваться.

— Ну пожалуйста-пожалуйста! Обещаю, в следующий раз вернусь вовремя, — продолжал канючить он.

Обычно Юй Лань изъяснялся лениво, с неизменной поволокой в голосе, но сейчас, специально понизив тон и растягивая гласные, зазвучал неожиданно мягко и даже умоляюще.

Ради спасения драгоценного балла пришлось наступить себе на горло и задобрить противника. Юй Лань наклонился практически вплотную.

В полумраке пустынного коридора их лёгкие, невесомые дыхания сплелись воедино, отчего тусклый свет, казалось, сгустился, придавая моменту едва уловимую двусмысленность.

Чжоу Мянь молча слушал эти торгашеские уговоры.

Юй Лань раздавал очередные грошовые обещания уже в сто первый раз:

— Клянусь, больше ни-ни! Председатель, ну дай ещё шанс!

Чжоу Мянь мгновение смотрел ему прямо в глаза.

Взгляд Юй Ланя лучился такой пылкой и искренней убедительностью, что во тьме казался почти горячим.

Дисциплинарный инспектор вздохнул, перелистал бланк в планшете и зачеркнул аккуратно выведенную единицу со знаком минус.

— Объяснительная на полторы тысячи слов, — негромко произнёс он.

Обычные ученики в школе слушали лекции, решали задачи и корпели над домашкой, а вот будни Юй Ланя состояли из сочинения и зачитывания покаянных писем.

Какая-то полторашка слов для него была что слону дробина — набросать дело пары минут.

Едва услышав заветное условие, Юй Лань тут же сдёрнул руку с плеча Чжоу Мяня и дал дёру, даже не обернувшись:

— Доброй ночи, председатель!

Типичный вероломный соблазнитель, бросающий жертву сразу после достижения цели.

Чжоу Мянь остался стоять на месте, провожая его взглядом.

Лишь когда фигура Юй Ланя скрылась за поворотом коридора, он неторопливо отвёл взор и шагнул в противоположную сторону.

Юй Лань на цыпочках пробрался в общежитие и бесшумно приоткрыл дверь комнаты.

Из темноты, со своей кровати, призраком вынырнула голова не спавшего Се Сюньяня:

— Вернулся?

Юй Лань тихо буркнул в ответ и запер дверь.

— Чжоу Мянью заходил ещё до отбоя, — шёпотом отчитался Се Сюньянь. — Засёк, что тебя нет, так что твоему имени в журнале конец. Как завтра отмазываться будешь? Говорил же тебе, не суйся сегодня никуда, звёзды не так встали! И вообще странно: как у него получается ловить тебя каждый раз, а?

Юй Лань рухнул на кровать вялой тушкой и небрежно бросил:

— Нормально всё, я пересёкся с ним на лестнице.

Се Сюньянь изумился:

— Пересёкся? И чем всё кончилось?

Признаться, что он беззастенчиво унижался и вымаливал пощаду у Чжоу Мянью, Юй Лань не мог ни под каким соусом — это начисто разрушило бы его имидж непревзойдённого крутого парня.

Поэтому этот мерзавец с безразличным видом ляпнул:

— Да фигня, полторы тысячи слов объяснительной.

Впрочем, Чжоу Мянью действительно не всегда штрафовал его на баллы. Если вовремя вернуться, изобразить глубокое раскаяние и как следует покаяничать, тот обычно обходился обычной распиской.

В конце концов, Юй Лань терял лицо перед Чжоу Мянью далеко не в первый раз, так что одним позором больше, одним меньше...

— Ладно, — вздохнул Се Сюньянь. — На линейке в следующий понедельник мы снова услышим твою пламенную речь.

На следующее утро во время самостоятельной подготовки Юй Лань уже усердно строчил — а точнее, переписывал — своё покаяние.

Он совершил обычный проступок всех старшеклассников страны, а для таких случаев интернет

кишел готовыми шаблонами. Даже выдумывать ничего не пришлось: сиди себе и срисовывай.

Талантами Юй Лань не блистал, но вот срисовывать объяснительные умел со скоростью звука, а его размашистый, куролапый почерк всё равно никто, кроме него самого, разобрать не мог.

В перерыве между утренними занятиями и первым уроком в класс заглянула их классная руководительница.

Она была женщиной-бетой и, ещё на первом году наслушавшись о «подвигах» Юй Ланя, давно махнула на него рукой.

— Юй Лань, — произнесла она с каменным лицом, остановившись у кафедры. На её физиономии не отражалось ни единой эмоции, а голос звучал монотонно, как у робота: — Из учебной части передали: в следующий понедельник на линейке поднимаешься на трибуну с публичным раскаянием.

— Понял, учитель, — с готовностью улыбнулся Юй Лань.

Сидевший рядом Сюй Цзянь подпёр щеку кулаком и с любопытством спросил:

— Опять? На чём в этот раз попался? Председатель Чжоу снова сдал тебя с потрохами?

— Какое ещё «сдал»? — Юй Лань неторопливо сложил исписанный лист и ухмыльнулся: — Я забочусь о благе общественности. Даю всей школе шанс полюбоваться моей красотой вблизи.

Сюй Цзянь сдавленно промолчал.

И надо же было такому симпатичному парню родиться с таким длинным языком...

Церемония поднятия флага из недели в неделю проходила по одному и тому же сценарию: сначала флаг и гимн, а потом бесконечная тягомотина с речами.

Первым выступал директор, за ним — кто-то из учителей, а под конец — лучший ученик школы.

И надо же было такому случиться, что лучшим учеником на этой неделе оказался Чжоу Мян. Враги действительно сходились на узкой тропе.

— Четвёртый пункт нашей программы! — огласил ведущий. — Приглашаем на сцену

председателя студенческого совета второго года обучения, Чжоу Мяня!

Когда Чжоу Мянь поднимался на трибуну, овации гремели куда громче, чем во время речи директора.

По требованию администрации школы для выступления он переоделся в строгий форменный костюм, который выгодно подчёркивал фарфоровую, словно резной нефрит, белизну его кожи.

Каждое его движение дышало сдержанностью, благородством и умиротворением.

Юй Лань меньше всего на свете хотел наблюдать этого неженку. Он даже глаз поднимать не стал, уставившись в землю с самым отстранённым видом.

Но имя «Чжоу Мянь» всё равно лезло из всех щелей. Стоявшие неподалёку омеги захлёбывались от восторга:

— А-а-а, Чжоу Мянь в этом костюме выглядит просто сногшибательно! Какой образ! Да я бы ему любовное письмо написала, даже если б меня перед всей школой опозорили! Всё, вернусь в класс и сразу напишу!

— Мечтать не вредно. Председатель Чжоу на нас и не глянет.

— Он же мой идеальный тип! Дай хоть помечтать!

— Братец Чжоу Мянь невероятно хорош... Счастливчик тот омега, которому он достанется.

— Когда же этот бог сойдёт с небес на землю? Я уже готова занять очередь к его комнате в общежитии с номерком в руках!

— Кстати, вчера вывесили результаты олимпиады по физике. Чжоу Мянь опять всех уделал с огромным отрывом, да ещё и всех гениев из школы А умыл!

— Ой, молчи! Я вчера полчаса над последней задачей по магнитным полям билась, так и не решила, — вздохнула омега. — Вот она, пропасть между простыми смертными и гениями...

Юй Лань лениво переступил с ноги на ногу и со скучающим видом слушал этот шёпот.

Безнадёжно. Поверхностные, глупые людишки.

А когда Чжоу Мянь заговорил без бумажки, толпа фанатов снова заверещала: «Боже, у меня уши сейчас растут!», «Разве за такой голос не надо платить?!», «Я сейчас умру и воскресну».

от этого тембра!», «А-а-а-а!».

Юй Лань откровенно зевнул.

Речь Чжоу Мянэ длилась минут пятнадцать. Его мягкий, чистый голос звучал сдержанно и со вкусом. Закончив, он вежливо поклонился и сошёл со сцены.

Микрофон тут же перехватил ведущий:

— Переходим к пятой части нашей линейки! На сцену приглашается ученик 15-го класса второго года обучения — Юй Лань! Ему предоставляется слово для публичной зачитки объяснительной!

С тех пор как Юй Лань перевёлся в эту школу, данный пункт программы стал еженедельной традицией. Он поднимался на трибуну с завидной регулярностью, единолично спасая всех хулиганов школы от позорного столба.

— Юй Лань, твоя очередь.

Стоявшая во главе шеренги классная руководительница обернулась и смерила его взглядом, выразившим ёмкое: «А ну живо топай отсюда».

Юй Лань со спокойной физиономией вышагнул из строя, сжимая в кулаке свёрнутый в трубочку листок.

Этой дорогой он ходил так часто, что знал каждый бугорок на асфальте.

Юй Лань подходил к трибуне аккуратно в тот момент, когда Чжоу Мянэ спускался по ступеням, направляясь к своему классу.

Они столкнулись нос к носу прямо у подножия сцены.

Сегодня Чжоу Мянэ выглядел безупречно: тёмно-зелёный школьный пиджак, белоснежная сорочка с аккуратно застёгнутым воротничком, открывавшим лишь узкую полоску бледной шеи. Строгий, недоступный и образцово-правильный — воплощение идеального ученика.

Юй Лань криво ухмыльнулся и небрежно бросил:

— Доброе утро, председатель Чжоу.

Сам Юй Лань, разумеется, опять проигнорировал дресс-код: куртка олимпийки была

распахнута настежь, под ней темнела заправленная в брюки чёрная футболка, подчёркивавшая подтянутую, узкую талию.

В таком расхлябанном и наглом виде он и собирался предстать пред очи всей школы.

Чжоу Мянью едва заметно нахмурился.

Остановившись, он строго проговорил:

— Застегни куртку.

Юй Лань лишь усмехнулся:

— Заело. Не тянется.

Он чуть прищурил глаза, и в его голосе проскользнула провокационная, чисто альфовская дерзость:

— Может, сам попробуешь?

<http://bllate.org/book/19921/1989709>